

Studia Culturae: Вып. 4 (46): Schola: Н.Н. Страшник

С. 339-345.

Н.Н. СТРАШНИК

*Санкт-Петербургский государственный университет
Магистрант института философии*

УДК 130.2

ЗАБОТА О СЕБЕ КАК ЗАБОТА О ДРУГОМ В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Статья посвящена рассмотрению принципа заботы о себе как основы принципа заботы о другом. Демонстрируется его значимость в противовес тенденции считать данный принцип не столь актуальным в сравнении с тезисом заботы о другом в свете новых проблем современности. Для этого автор обращается к интерпретации античной концепции заботы о себе М. Фуко.

Ключевые слова: забота о себе, другой, забота о другом, этика, моральный субъект, Фуко.

N.N. STRASHNIK

*Saint-Petersburg State University
Master Student, Institute of philosophy*

SELF-CARE AS CARING FOR ANOTHER IN A SOCIO- POLITICAL CONTEXT

The article is devoted to the consideration of the principle of taking care of yourself as the basis of the principle of taking care of another. Its significance is demonstrated in contrast to the tendency to consider this principle not so relevant in comparison with the thesis of caring for another in the light of new problems of our time. For this, the author turns to the interpretation of the ancient concept of self-care by M. Foucault.

The article is of interest to readers interested in twentieth-century French philosophy, archaic cultures, social anthropology.

Keywords: self-care, another, caring for another, ethics, moral subject, Foucault.

В современном мире чрезвычайно актуален призыв к заботе о другом, затмивший собой тезис «заботы о себе». Это объясняется остротой проблем, вставших перед человеческим обществом, - от экологической повестки до эпидемии коронавируса, ставшей не только социально-экономическим вызовом для каждого государства, но и моральным вызо-

вом для каждого человека как члена общества. В этой связи известное правило авиационной безопасности «сперва наденьте кислородную маску на себя, а затем на ребёнка» приобретает новую коннотацию. Обеспечивая маской в первую очередь себя, мы действуем в интересах ребёнка, иначе можно сказать — позаботившись о себе, мы тем самым заботимся о другом. Медицинская маска работает по тому же принципу, так как главным образом препятствует распространению вируса от его носителя к здоровому человеку. Данные примеры иллюстрируют идею о том, что в основе заботы о другом может лежать забота о себе. Рассмотрим подробнее данный тезис. Для этого обратимся к античной концепции заботы о себе и её интерпретации Мишелем Фуко.

В греческой и греко-римской античности основной моделью морали была та, что характеризуется воздействием субъекта на себя, не отсылающим к конкретным сводам правил (кодексам), а также к инстанциям, контролирующим их исполнение. Моральный опыт здесь выстраивается с точки зрения владения собой, взятия себя под собственный контроль. К моральному субъекту предъявляется необходимость совершать над собой усилие, дабы не поддаваться власти своих страстей, слабостей, стремлению к удовольствиям, словом, не быть рабом самого себя. Из данного императива следует, что субъект должен быть по отношению к себе чрезвычайно наблюдательным. Моральный субъект выстраивает себя как такового, занимая определённую позицию по отношению к правилам и принимая для себя некоторый тип бытия. Чтобы достичь положенного им для самого себя, он вынужден всячески с собой работать, следить за собой, преобразовывать себя. Моральный субъект — это субъект, отдающий себе отчёт. В том, что принято считать моралью, — некие ценности и правила следования им, можно различить не только некоторый моральный кодекс, — то есть их совокупность, и не только основанное на нём поведение, но и разные способы быть моральным субъектом. Например, можно пытаться строго соблюдать какие-то предписания, совершать или не совершать моральные или аморальные действия, можно отслеживать свои помыслы и желания, сделав предметом морального отношения (моральной работы) не поступки, а соблазны, можно придавать борьбе со своими желаниями самостоятельную ценность, кроме того, делать всё это тоже можно по-разному, — исходя из того, что в обществе, к которому индивид принадлежит, определённое поведение считается приличным, из желания соответствовать своим представлениям о достойном или служить кому-нибудь примером, — причины могут быть разными. Помимо этого, моральные действия могут быть не только самоцелью, но и вести к чему-то иному, иметь, так скажем, сверхцель и соответствующую ей форму бытия субъекта. К примеру, такой целью может выступать очищение и спасение души,

или же прижизненная невозмутимость и покой, или установление власти над собой. Этика в греко-римской культуре задавалась принципом заботы о себе. Свободным человеком мог быть тот, кто практикует заботу о самом себе, составляющим элементом которой является принцип познания себя, постепенно затмивший в европейской культуре свой исток. Искусство существования задаётся императивом — позаботиться о самом себе. «Этос представлял собой способ существования и поведения. Это был способ существования субъекта и определенный, видимый для других, способ вести дела» [1; С. 249].

Необходимо помнить, что античное понимание этики непосредственно было связано с политической активностью, тогда как свобода понималась прежде всего как практика избавления от рабства. Установление власти над самим собой, разумное управление всеми своими силами и страстями подразумевает также определённое выстраивание отношений с другими. Индивид, сделавший себя предметом заботы, выстраивает приличествующие отношения с окружающими, выступая в качестве примерного гражданина, хорошего семьянина, друга и так далее. Забота о других проистекает здесь из заботы о себе, являющейся первичной. Данный принцип преобразует и властные отношения, становясь ограничителем злоупотребления в том пространстве, где одни руководят другими. «Хороший властитель, говорит М. Фуко, - как раз такой, кто осуществляет свою власть правильно, то есть в то же время осуществляя её над самим собой. И именно власть над собой способствует регулированию власти над другими», потому как насилие между индивидами представляет собой навязывание своих стремлений, фантазий, вожделений и проч. Подобным образом этос, о котором ведётся речь, минимизирует практики принуждения и возникновения такой ситуации, при которой отношения власти принимают форму отношений господства — застывшего состояния, при котором участникам отношений становится трудно на них влиять, привносить в них изменения. Так, например, в самом институте педагогики, где налицо властные отношения, нет ничего отрицательного в том, что один в некотором смысле повелевает другим, обучая его. Опасность кроется в том, что это отношение примет форму господства, произвола со стороны авторитетного лица. Дабы предотвратить её, «необходимо поставить эту проблему в терминах правил права, рациональных техник управления и этоса, практики самости и свободы» [1; С. 267]. Субъекты для того, чтобы властные отношения имели место быть, должны обладать определённой степенью свободы. В ситуации господства-принуждения эта степень уменьшается, тем не менее возможности для сопротивления есть всегда.

Итак, проблема отношения к другому в рамках заботы о себе развивается также в практике наставничества. Не трудно догадаться, что данный сюжет главным образом воплощён фигурой Сократа — великого учителя заботы и свободы. Философ в образе Сократа есть тот, кто заботится о том, чтобы другой собой озаботился, то есть обратил свой взор на себя и сделал себя объектом своей деятельности. В курсе лекций «Герменевтика субъекта» М. Фуко подробно разбирает этот эпизод. В силу его известности, мы не станем на нём останавливаться и перейдём к следствиям. Вслед за мыслителем анализируя в диалогах Платона побуждения Сократа заботиться о самих себе прежде, чем заботиться о своём и о чём-либо вообще — о других, о городе и так далее, — мы видим, что забота о себе рассматривается как деятельность, выводящая из состояния сна. Иными словами, работа с самим собой оказывается началом активного отношения субъекта как с самим собой, так и с миром. В обращении взгляда на себя субъект предстаёт перед собой как объект воздействия и объект познания. Взаимоотношение принципа заботы о себе и познания себя приобретает в европейской философии и в европейской культуре особое значение, становясь также важнейшим моментом в истории техник себя.

Принцип «*gnothi seauton*», принявший значение «познай самого себя», как известно, являлся дельфийским требованием и, согласно М. Фуко, несомненно не имел того значения, которое ему придала философия. В интерпретации Рошера, которую приводит философ, это изречение имело смысл наставления для приходящего за советом к богу человека — определиться с тем, что ему надо, сосредоточиться на самом главном. В философии этот принцип появляется в платоновских диалогах через, опять же, фигуру Сократа. «И как раз в рамках этой заботы, как бы на её гребне, появляется и формулируется правило «познай самого себя» [2; С. 17]. При разборе диалога «Алкивиад», содержащем, согласно М. Фуко, первую концепцию заботы о себе в завершённом виде, становится понятно, что эти принципы тесно связаны и постоянно перекликаются. Это характерно не только для греческой, но и эллинистической и римской мысли. Основными вопросами диалога являются вопросы о том, что такое «сам», о котором следует заботиться, и — как осуществляется эта забота. Ответы на них следующие: предмет заботы — душа, а забота заключается в том, чтобы знать душу, то есть себя. Такова мысль Платона. Как уже упоминалось, принцип заботы о себе в развитии философской рефлексии отступил на второй план перед познанием себя, что условно обозначено М. Фуко «картезианским моментом», и, по его словам, свои усилия он направил на то, чтобы восстановить принцип заботы о себе, не ставя тем не менее ни один из принципов во главу угла.

Ещё один вопрос касается того, каким образом душой совершается познание себя. Для этого она должна направить взор к божественному началу: «душа увидит себя не иначе, как направив взгляд на то, что принадлежит той же сущности, что и она, и точнее — погружаясь в свою собственную стихию, поворачиваясь, прилаживая свой взгляд к самому началу, составляющему природу души, то есть к разумению и познанию» [2; С. 86]. Осуществив это обращение, познав себя и став мудрой, душа опознает истинное и не истинное, благое и не являющееся таковым, и уже умея отличать одно от другого, она сумеет должным образом организовать свою деятельность на практике. И в случае Алкивиада, он сможет стать примерным правителем города. Любопытно, что в завершении беседы Алкивиад даёт слово заботиться — не о себе, а о справедливости, и сущностной разницы здесь нет. Ключевой момент в этом процессе познания себя в контексте заботы о себе заключается в том, что обрётённая описанным образом мудрость, то есть способность отличать истину, производит в субъекте качественные перемены. Субъекту предстоит потрудиться над собой для того, чтобы ему далась истина, чтобы он понимал, что такое справедливость, в чём заключается благо города (с этого начинается диалог, - с желания Алкивиада заняться политикой). Труд над собой состоит в познании себя, посредством которого субъект сможет надеяться на постижение истины вещей, которая означает не конкретные знания, а способность различать истинное и ложное. Из этого следует, что без этой работы (иначе М. Фуко именует её аскезой) истина субъекту недоступна, а также, что истина преобразует субъекта в его бытии. Это явление философ связывает с понятием духовности, оказывающемся в отношениях субъекта и истины крайне важным. Со временем в постановке проблемы субъективности и истины происходят принципиальные изменения, состоящие в том, что доступ к истине уже не имеет своим условием преобразование субъекта. По мнению М. Фуко, изыскания многих философов 19 века характеризуются возвращением в философию духовности, а через это, подспудно, и заботы о себе. Именно к этой традиции современной философии он себя относил. Итак, возвращаясь к концепции заботы о себе, обнаруживающейся в «Алкивиаде», следует отметить, что одним из основополагающих моментов является то, что действительным предметом заботы была душа. Таким образом, искомый «сам», о котором индивиду надлежит заботиться, это — начало всякой деятельности, или душа. В добавление ко всему, данным диалогом, в котором этические, политические, педагогические и эпистемологические проблемы предстают взаимопроникающими, открываются перспективы развития принципа заботы, приобретающего в дальнейшем те или иные видоизменения. Тем не менее, в основе заботы о себе всегда ле-

жало преобразование субъектом себя с помощью ряда определённых действий. Таким образом, существенно, что это не просто установка, но всегда реальная деятельность.

Представляя собой практику, то есть целый ансамбль техник, включающих заботу о теле и здоровье, размышления, различные испытательные практики, самоанализ, запоминание, чтение, беседы и переписки, ведение записей и прочее, забота требовала времени. Вопрос о том, когда и сколько уделять время тем или иным практикам, решался по-разному. Однако одно оставалось неизменным — всегда иметь в виду это отношение к себе, эту работу над собой. Забота о себе не требует отхождения от всех прочих занятий, она постоянно должна осуществляться, так скажем, не буквально выражаясь, между делом. Надо понимать, что это означает определённую оптику. Так, забота о себе является не только установкой и практикой, но ещё и особым способом смотреть на вещи. В частности, одним из следствий восприятия себя сквозь призму заботы явился ещё один её аспект. Выше мы говорили о роли самообладания в деле заботы о себе через понятие власти, которую субъект над собой учреждает, но «опыт себя, складывающийся в ходе такого обладания, это не только опыт укрощения силы или верховенства над мощью, готовой восстать, но и опыт наслаждения собой. Тот, кому удалось, наконец, подступиться к себе, становится для себя объектом удовольствия» [3; С. 76]. Сенека — один из авторов, к которому апеллирует в этом вопросе М. Фуко. Радость мудрого, согласно Сенеке, отличается от радости человека, не озаботившегося собой, тем, что она зависит от него самого, поскольку в нём же и рождается, в отличие от преходящих и мимолётных удовольствий, контроля над которыми мы не имеем; они находятся в руках фортуны, зависят от обстоятельств или от других людей. И потому такие «радости смешаны со страхом и тревогой» [4; С. 33]. Такова ещё одна грань этики самообладания, которая имеет под собой определённую смену ракурса видения проблемы удовольствий, являющейся краеугольным камнем в отношениях с другим.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фуко М. Этика заботы о себе как практика свободы. // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч. 3. — М.: Практикс, 2006. — 320 с.
2. Фуко М. Герменевтика субъекта. — СПб: «Наука», 2007. - 677 с.
3. Фуко М. Забота о себе. История сексуальности. Т. 3. — М.: «Дух и литера», «Грунт», «Рефл-бук», 1998.
4. Сенека Л. А. О скоротечности жизни. // Историко-философский ежегодник'96. — М.: «Наука», 1997.

REFERENCES

1. Fuko M. Etika zaboty o sebe kak praktika svobody. // Intellektualy i vlast': Izbrannyye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'yu. CH. 3. — M.: Praxis, 2006. — 320 s.
2. Fuko M. Germenevtika sub"ekta. — Spb: «Nauka», 2007. - 677 s.
3. Fuko M. Zabota o sebe. Istoriya seksual'nosti. T. 3. — M.: «Duh i litera», «Grunt», «Refl-buk», 1998.
4. Seneka L. A. O skorotechnosti zhizni. // Istoriko-filosofskij ezhegodnik'96. — M.: «Nauka», 1997.